

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

АЛЕКСАНДР СТИВЕНС*

Итак, психоаналитическое образование. С самого начала стоит отметить, что это достаточно широкое понятие. Прежде всего, очевидно, что речь здесь идет об образовании, которое получает психоаналитик. Но дело не ограничивается этим. По существу, аналитическое образование адресовано всем, кто занимается психическим здоровьем и работает в этой области, поскольку все, что связано с психоанализом, а именно соответствующая теоретическая подготовка и умение работы с материалом психического, может оказаться полезным в практике любого специалиста, даже если он и не испытывает желаний стать в дальнейшем психоаналитиком. Именно поэтому Лакан создал факультет психоанализа в университете, а также клиническую секцию сначала в Париже, а вслед за этим – во Франции в целом и в Европе. Когда-нибудь клиническая секция Фрейдова Поля появится и в Москве.

Психоаналитическое образование включает в себя, прежде всего, изучение клинических случаев; кроме того, оно предполагает и личный анализ. В целом, это можно назвать «прикладным психоанализом», или приложением психоанализа к клинике. Лакан настойчиво придерживался именно такого использования данного термина, в противовес представителям *IPA*, с точки зрения которых, «прикладной» – значит, приложенный к чему-то постороннему, например к искусству, литературе, поэзии, что и придавало произведению искусства истинный смысл. Лакан полагал иначе. Он не разделял мнения, что психоанализ может сообщить литературе какой-то новый смысл. Скорее, психоаналитики могут учиться у литературы, на литературе. Итак, Лакан использует термин «прикладной психоанализ», имея в виду приложение психоанализа к клинике. Аналитическое образование в данном контексте – это образование на базе клиники, но также и образование самой этой клиники. Этой теме и посвящена сегодняшняя лекция.

1

Давайте для начала рассмотрим в качестве примера проблему диагностики. Если мы обратимся к опыту США, то увидим, что классическая психиатрическая клиника там исчезает, а на ее место приходит классификация *DSM-IV*. Психоанализ же традиционно придерживается диагностики классической.

Почему так важно знать про человека, вынужденного обратиться к вам за психологической помощью, – невротик он или психотик? Вспомним, что существует три большие структурные группы личностных расстройств: неврозы, перверзии и психозы. С перверзиями все достаточно просто. У первертов, как правило, нет потребности в консультации, и психоаналитики с ними не сталкиваются, за исключением тех случаев, когда они прихо-

---

* *Александр Стивенс* – психоаналитик, вице-президент Новой Лакановской Школы Европейской Школы Психоанализа, руководитель Фрейдова Поля (Бельгия), директор клиники «Куртиль» (Бельгия), член Всемирной Психоаналитической Ассоциации.

Данный текст представляет собой материалы конференции Александра Стивенса для студентов МГППУ, которую он дал в рамках своего визита в Москву по случаю участия в Семинаре Фрейдова Поля в апреле 2004 года. Расшифровка аудиозаписи – Яна Бовбас, редакция – Михаил Страхов.

Текст не редактировался автором, но публикуется с его любезного разрешения.

дят по направлению судьбы после судебного разбирательства. Вернемся же к вопросу: почему так важно обладать образованием, позволяющим разграничивать между собой невроты и психозы?

«Психотик», «невротик» – эти меты сами по себе ничего не говорят о пациенте, который находится перед тобой. Любая из классификаций может относиться к половине человечества. И если одна половина человечества – подвержена одному расстройству, а другая половина – второму, то это абсолютно ничего не говорит о самом человеке: он либо «А», либо «Б», а к какой из половин именно принадлежит – по сути дела не так уж и важно. Тем не менее, диагностика в данном случае очень важна; почему?

Да, диагноз не говорит что-то важное о самом человеке, но он говорит очень много о той позиции, которую психоаналитик должен по отношению к нему занять. Если речь идет о невротике, то, возможно, стоит попробовать сдвинуть его защиты, поработать с ними. Защиты всегда организованы ригидным образом и предполагают симптом. Таким образом, мы в состоянии принести пациенту некоторое облегчение в связи с симптомом, причиняющим ему страдание. А для того чтобы этого достигнуть, психоаналитик должен занять нейтральную позицию, в том смысле, что он не отвечает на требование, а лишь интерпретирует, пользуясь намеками, постепенно подводя пациента к тому, чтобы тот сам начал задавать вопросы о собственном симптоме. Если же речь идет о психотике, а мы при этом будем продолжать следовать тем же путем, возникнет риск развязывания бреда, потому что психотик сам уже находится в режиме интерпретации. Как раз это и называется паранойальным психозом: интерпретирование, которое следует за пациентом по пятам. Мы все немного паранойальны с нашими близкими, женами и мужьями, соседями, или когда едем в машине. Мы всегда готовы сказать, почему «он/она» делает то или это, то есть интерпретируем. Но наши интерпретации при этом остаются локализованными. Психоз представляет собой случай, когда эти интерпретации в полном смысле слова превращаются в безумные. И если одновременно еще и психоаналитик будет интерпретировать, намекая на что-то, тогда возникает серьезный риск запустить весь механизм бреда.

Поэтому умение поставить диагноз помогает психоаналитику занять определенную позицию. Терапевтическая позиция в работе с психотиком иногда чрезвычайно хрупка, она основана не только на общей диагностике, но и на особенностях самого случая. Приведу пример.

Я работал с одной пациенткой, которая была параноидна, одновременно страдая эротоманией. Так вот, у нее было три сеанса в неделю, но у трех разных аналитиков. Это, собственно, та самая рамка, то правило работы, которое мы смогли с ней найти. Во время работы с первым анали-

тиком, к которому пациентка обратилась, у нее развязался эротоманический бред, по причине которого уже сам аналитик прислал ее ко мне, поскольку я – психиатр и могу помочь медикаментозно. Пациентка же, в свою очередь, использовала данное обстоятельство, найдя еще и третьего психоаналитика.

Очень интересно рассмотреть, каким образом при такой работе распределилась ее речь. Итак, первому аналитику она рассказывала свои сновидения, и дело ограничивалось этим, потому что ею владела фрейдовская идея, что сновидения – главное в психоанализе. Мне же она, в основном, хотела рассказывать о своих чувствах, испытываемых с первым аналитиком. Потому, объясняла она, что для нее было невыносимо, когда он говорил ей о себе. Такого рода, установившаяся благодаря моему присутствию, дистанция с первым аналитиком способствовала снижению эротомании. Третьему аналитику она рассказывала обо всем остальном, то есть о тех перипетиях, которые происходили в ее повседневной жизни.

Возможность построения и принятия столь сложных рамок работы со всей необходимостью предполагает постановку диагноза, что в свою очередь требует от аналитика умения делать это очень тонко, разбираться в клинических нюансах и понимать смысл симптомов пациента.

Рассмотрим еще один клинический пример.

Пациент – мужчина пятидесяти лет, которого я ранее не знал и который находился в больнице после суицидальной попытки. Психотик (шизофреник), он постоянно жил вместе с матерью и при этом постоянно испытывал сильнейшую тревогу. Единственное, что он мог сказать по поводу своей тревоги, так это то, что она связана с матерью. В одно и то же время он и боялся ее потерять, и переживал тревогу, будучи не в состоянии от нее отвязаться. Таким образом, речь идет о полностью амбивалентном процессе. Для того чтобы хоть сколько-нибудь облегчить свою тревогу, он нашел два сценария. Во-первых, он обдумывал сценарий самоубийства: представлял себе те места, где будет приемлемо совершить данный акт, разрабатывал подробную последовательность действий. В частности, он планировал начать с того, чтобы сказать «до свидания» матери, после чего намеревался попросить подругу проводить его до места драмы, и от нее он уже заранее получил обещание, что она это сделает. А потом... Потом необходимо было ждать, когда пройдет поезд. Таков первый сценарий, весьма тщательно сконструированный при помощи всевозможных деталей. Именно так он планирует лишить себя жизни. Но не сейчас...

Помимо представленного выше, был и другой – противоположный сценарий. Мой пациент был буквально заворочен историями о маньяках – серийных убийцах, которые он выискивал в газетах и журналах. В связи с этим у него была мысль о том, что он сможет получить успокоение, если когда-нибудь совершит нечто подобное. Одновременно в глубине души он осознавал связанный с таким поступком риск. В конце концов, пациент остановился на том, что начал коллекционировать все, что было написано по поводу серийных преступников, полицейские романы, а также вещи, которые могли ему о них напомнить.

Он все еще не мог разделить с матерью, поэтому снял два гаража, в которых разместил экспонаты своей коллекции. И когда это было осуществлено, он почувствовал себя прекрасно: тема самоубийства сама собой исчезла с повестки дня, так же, как и вопрос о том, что у него есть долг убить. Единственно, теперь у него был долг – коллекционировать. Именно это мы можем называть симптомом, симптомом в психоаналитическом смысле, смысле фрейдовском и лакановском. Но, заметьте, это будет симптом, который функционирует в психозе, то есть симптом отнюдь не невротического свойства! Такой симптом дает ответ на переживаемую субъектом тревогу и представляет собой конструкцию, созданную самим субъектом.

Конечно, в качестве ответа на тревогу мы могли бы рассмотреть два уже известных нам фантазматических сценария, один из которых связан с самоубийством, другой – с серийными убийствами. Но, в отличие от этих сценариев, симптом, как конструкция, дает гораздо лучший ответ, он стабилизирует состояние и позволяет субъекту создать собственный проект будущего. Конечно, в общем-то, коллекционировать книги об убийствах – проект довольно глупый, но для пациента он оказался весьма полезным и вполне стабилизирующим. Именно это его и держало в течение многих лет.

Но, как часто происходит в свободных странах Европы, полиция иногда вмешивается не лучшим образом. Описываемые события происходили в Бельгии как раз в то время, когда на слуху у всех были истории с серийными убийствами детей. И тогда соседям показался странным этот человек, который ходит от одного гаража к другому с какими-то загадочными предметами... Пришла полиция. Обнаружив коллекцию, полицейские тоже посчитали, что ее владелец – человек очень странный, а его история – более серьезна и реальна, чем казавшаяся вымышленной история коллекционера романов о серийных убийцах. А потом... После длительных разбирательств полиция отдала все «улики» назад, ведь героя истории не в чем было упрекнуть. Но он уже не хотел забирать эти вещи. Коллекция потеряла для него некое измерение, которым прежде она была наделена.

Вещи, составлявшие ее, словно стали «грязными», побывав в полиции. И он тут же опять столкнулся со своей тревогой по отношению к матери. А через шесть месяцев покончил с собой, следуя собственному сценарию. Я думаю, теперь это было уже невозможно предотвратить. Да, можно было его госпитализировать и тем самым, может быть, как-то отсрочить трагедию. Но только не выстроить вновь симптом.

2

Как мы видим, аналитическое образование – это образование в клинике, которое, помимо прочего, состоит в том, чтобы научиться отличать симптом полезный от симптома, несущего разрушение. Кроме того, очень важно научиться конструировать клинические случаи, то есть описывать и структурировать их. Именно благодаря подобной работе может прийти понимание, к какому симптому в том или ином случае притрагиваться не стоит. Образование подобного рода находится по другую сторону от, возможно, и более привычного, но на самом деле представляющего собой процесс «изготовления аналитиков», на выходе которого появляются всего лишь актеры клинического поля.

Свою позицию относительно аналитического образования Фрейд представляет в работе «Проблема дилетантского анализа (Дискуссии с посторонним)», появившейся из-под его пера в 1926г. Непосредственным поводом для написания этого текста послужил тот факт, что одному из аналитиков его ближайшего окружения, Теодору Райку, в это время был предъявлен судебный иск, связанный с обвинением его в занятиях нелегальной медицинской практикой. Суть обвинения сводилась к тому, что он, будучи психологом и не имея медицинского диплома, вел психоаналитическую практику, пройдя аналитическую подготовку под руководством Фрейда. Так вот, Фрейд пишет свой текст, чтобы защитить позицию психоаналитика Райка, не являющегося врачом, вследствие чего тот так и не будет осужден.

На основании вышеупомянутого текста становится ясно, какую именно позицию отстаивает Фрейд. Во-первых, он настаивает на том, что вовсе не обязательно быть врачом, чтобы работать в качестве аналитика. Если мы попытаемся проникнуть в суть приведенных Фрейдом аргументов, то для нас станет абсолютно очевидным его убежденность в том, что ни один специфический диплом, выданный тем или иным университетом, не может авторизовать психоаналитическую практику. Он не отрицает тех преимуществ, которые включает в себе университетское образование, символизируя собой знание огромного количества всевозможных вещей. Но замечает, что речь в данном случае идет несколько о других вещах, или о другом знании, и тому, кто решает стать аналитиком, с этим знанием придется рас-

статься, как бы фундаментально оно ни было. Да, Фрейд здесь, впрочем, как и всегда, довольно-таки сложен.

Попробую процитировать одну из его фраз: «Врач, который, обучаясь в медицинской школе, смог добиться того, чтобы стать врачом, находится в полярной позиции относительно той, которая требуется, чтобы стать, в конце концов, психоаналитиком». А еще чуть дальше он вообще заявит, что такое образование, как медицинское, прививает идеи ложные и вредные. И все это притом, что сам он врач! Но дело в том, что Фрейд не занимается критикой медицины. Он просто хочет донести до нас одну мысль: все, через что вы прошли, становясь аналитиком, и с чем входите в это образование, должно быть либо оставлено в стороне, либо кардинально пересмотрено, преобразовано под воздействием самого психоанализа. И это первый вопрос, который ставит Фрейд относительно «дилетантского» анализа, то есть ни один специфический диплом не является обязательным.

Вторая позиция Фрейда: ни один университетский диплом сам по себе не является достаточным. Он заключает, что врач, либо психолог, будучи специалистом в своей области, тем не менее, становится шарлатаном, если занимается психоанализом, не имея дополнительного психоаналитического образования.

В настоящее время в Западной Европе достаточно много спорят по поводу этих вопросов, и в различных странах правительства пытаются разрешить их, вводя законодательную регламентацию всего, что имеет отношение к психотерапии. И в данный момент мы вынуждены достаточно серьезно и даже жестко против этого защищаться.

Но вернемся к упомянутой выше работе Фрейда. Итак, мы приходим к заключению, что существует специфическое психоаналитическое образование. Это та вещь, которая является обязательной в случае психоаналитической практики, и это тот инструмент, который нужен как необходимое дополнение к диплому.

Я бы хотел обратить внимание на то, насколько парадоксальна данная позиция, поскольку в том же самом тексте мы встречаем следующее утверждение: «психоаналитик должен буквально игнорировать то, что он знает». Иными словами, как бы ни казались нелюбопытными высказывания Фрейда в адрес медицинского и университетского образования, из них вовсе не вытекает, что психоаналитик *не должен* знать, может себе позволить *не знать*. Речь идет о некоем «более чем знании» относительно некоторых вещей. А помимо всего прочего, аналитик должен иметь еще и способность данное знание игнорировать. Почему? Собственно, потому, говорит Фрейд, что в ходе каждого лечения психоанализ должен буквально изобретаться вновь. Не правда ли, скромная позиция?

Необходимо знать огромное количество вещей, чтобы каждый раз, имея дело с пациентом, обладать способностью тут же все это забывать, с единственной целью: чтобы получить возможность услышать то, что нам хотят сказать, то есть слушать без какого-либо суждения. Кроме того, имеется в виду отсутствие каких-либо личных предрассудков. А также, важно слушать так, чтобы не понимать слишком быстро.

Давайте вспомним того человека, о котором я только что говорил, очарованного серийными убийствами. Понять его слишком быстро – означало бы буквально тут же остановить фантазм, который он создал. Так что в принципе это вполне оправданно и разумно – иметь страх относительно такого понимания. Не правда ли, понять нашего пациента слишком быстро – означало бы госпитализировать его. Но тем самым мы всего лишь изменили бы его способ «прохода в действие»*, то есть поторопились пустить в ход свое понимание задолго до того, как в наличии появился хоть какой-то опыт. То, что можно было бы сделать, так это создать некую систему вокруг того очарования, которое владело этим господином. Например, симптом с гаражом.

Таким образом, игнорировать знание – значит, воспринимать каждого как нечто абсолютно новое. Разумеется, существует некий набор структур, который повторяется. Тем не менее, каждый новый случай привносит что-то свое. И допустим, если бы мы с вами захотели определить некую структуру, к которой психоаналитик должен быть готов заведомо, я бы без колебаний назвал удивление. Психоаналитик должен быть готов испытать удивление, а это предполагает обостренное внимание к таким вещам, которые трудно услышать.

3

Хорошо известно: для того чтобы стать аналитиком, нужно пройти свой личный анализ. Однако в начале исторического пути это условие было не столь очевидным. Так, Шандор Ференци начинает принимать своих пациентов как аналитик в 1907, а собственный анализ начинает только в 1914 году. И если даже в самом начале кто-то и советовал аналитику пройти свой личный анализ, так лишь из интереса к функционированию бессознательного как такового. В то же время достаточно быстро распространилось убеждение, что в своем анализе необходимо идти дальше этой задачи. Отражение такого столкновения идей мы обнаруживаем в дискуссии между Ференци и Фрейдом.

Ференци говорит о необходимости личного анализа для будущего аналитика как о втором основополагающем правиле (оставляя в качестве первого

* *Passage a l'acte* – см. сноску относительно этого понятия в статье Ф.Грассера.

принцип свободных ассоциаций). И Ференци был первым, кто считал, что в этом анализе аналитик должен «пойти до конца». Он даже упрекал Фрейда в том, что тот, по его мнению, не закончил собственный анализ. Этой дискуссии сам Фрейд положит конец, правда уже после смерти Ференци, в своем тексте «Анализ конечный и бесконечный». Здесь он задает себе вопрос о конце психоанализа, причем именно по отношению к аналитикам, от которых можно ждать, что они будут проводить свой анализ максимально долго. Фрейд делает заключение, что у психоаналитического лечения нет логического конца. Можно облегчить симптом, можно изменить позицию по отношению к симптому, но есть нечто, что всегда остается незавершенным. Поэтому Фрейд, в конце концов, дает такой совет: нужно остановиться, когда все идет хорошо. И если ты аналитик, то время от времени можно просто возобновлять свой анализ.

И эту дискуссию о конце анализа подхватит Лакан. Но в начале я хотел бы сказать несколько слов о третьем важном пункте в образовании аналитика – контроле, или супервизии.

Для Фрейда это основная практика, делающая возможной передачу опыта. В своем тексте «Об аналитической технике» он говорит о том, что обучение практике психоанализа в чем-то подобно овладению искусству игры в шахматы. Для того чтобы научиться играть в шахматы, недостаточно просто выучить наизусть какое-то количество игрового материала и выполнить необходимое количество упражнений. Шахматной игре можно научиться только рядом с мастером, рядом с тем, у кого было достаточно опыта. И именно так Фрейд представляет вопрос контроля. С его точки зрения, та часть образования, которая представляет собой контроль случаев, имеет свой конец в отличие личного анализа. И если взять в качестве примера то, как это делается в рамках IPA, мы увидим, что там установлен стандарт супервизии двух случаев в течение фиксированного количества лет.

Что же говорит по данному поводу Лакан? Сразу же замечу, что все те три оси, которые были обозначены выше, определяют движение образования, и Лакан, безусловно, признает их значение. Но одновременно для него имеют значение и некоторые дополнительные элементы, привносящие внутреннюю динамику в систему психоаналитического образования. Прежде всего, Лакан выделяет и принимает во внимание некий свойственный образованию парадокс, идею которого развивал еще Кант. Об этом парадоксе напоминает Жак-Ален Миллер. «С одной стороны, ученик должен подчиняться, слушаться, ведь в педагогике необходимо принуждение, – замечает он в одной из своих работ, – но одновременно задача обучения состоит в том, чтобы индивид остался свободен». Или, как вопрошает сам Кант: «Как могу я воспитывать свободу под принуждением?» Это и есть

истинный парадокс образования, который Лакан будет пытаться рассмотреть под разными углами зрения.

Например, делая главный акцент на курсе личного анализа как части образования, он скажет: «Не существует образования аналитика, есть только образование бессознательного». Очевидно, что Лакан играет здесь двумя значениями слова «образование». Когда он говорит «не существует образования аналитика», то имеет в виду невозможность существования в нашей области образования, идеально выстроенного по линейной модели. Другими словами, нет последовательного образования, но есть парадокс образования. Поэтому он и утверждает: нет образования, а есть только образования бессознательного. А мы с вами прекрасно знаем, что образования бессознательного, а именно остроты, оговорки, забывания и т.д., являются также и симптомами. И нужно хорошо понимать, что, произнося эту фразу, Лакан отсылает начинающего аналитика к его личному анализу. Он словно приглашает: в качестве собственного образования занимайтесь тем, что анализируйте образования собственного бессознательного.

Таким образом, очевидно, что в образовании аналитика первое место занимает собственно аналитический курс.

Далее Лакан приходит к тому, чтобы попытаться вновь сформулировать мысль о логическом завершении анализа. До какой черты в собственном анализе следует продвинуться? И дает ответ – до конца. Тогда, где же он, этот конец?

В ходе развития своего учения Лакан будет формулировать несколько тезисов о конце анализа. Например, во втором семинаре он утверждает: окончание анализа нацелено на то, чтобы увидеть субъект без Я. Вспомним, что Фрейд видел в структуре личности три инстанции: Я, Сверх-Я и Оно. Так вот, Я – это то, чем мы считаем действительным, во что верим. Но вместе с тем, это и сумма наших предрассудков, заблуждений. И когда Лакан говорит о субъекте без Я в качестве цели анализа, то это стоит понимать как требование к аналитику стать свободным от требований присущих ему предрассудков. Благодаря этому он, в конце концов, и приобретает способность испытывать удивление при встрече с симптомом, без того, чтобы понимать слишком быстро. Как видите, данная позиция все еще весьма близка к той, которую занимал Ференци в своей дискуссии с Фрейдом.

В одиннадцатом же семинаре Лакан формулирует еще одно положение о конце анализа: он назовет это «проходом через фантазию». Иными словами, речь уже не идет о том, что в ходе анализа симптом будет уничтожен или, по крайней мере, облегчен, а фантазия, соответственно, станет более плоским. «Преодолеть фантазию» означает, что по ту сторону от него не-

минуемо встанет вопрос, как теперь, по ту сторону фантазма, субъект сможет распорядиться собственным влечением и собственной тревогой?

Приведу простой пример – кашель, симптом Доры, пациентки Фрейда. Как этот симптом появляется? А появляется он, когда она ассоциирует. Поскольку Дора считала своего отца не полноценным в сексуальных отношениях, у нее могла возникнуть такая последовательность мыслей, которая привела ее к идее, что отец и его дама сердца, мадам К., имели оральные сексуальные отношения. Вспомним, что там была еще и серия снов, виденных Дорой, откуда и мог придти этот фантазм. Словом, у нее был фантазм оральной фелляции. Доказательством справедливости интерпретации для Фрейда всегда служило исчезновение симптома. И Дора действительно перестала кашлять.

Таким образом, в этом примере мы имеем телесный симптом (ведь она истерическая пациентка!) и фантазию, которая поддерживает этот симптом и является его причиной. Тогда вопрос об окончании анализа встает следующим образом: чтобы пациентка полностью излечилась – недостаточно обычного исчезновения симптома, как недостаточно добраться и до фантазии. Так что же находится по ту сторону последней? Фрейд, описывая случай Доры, уже задается этим вопросом. Он признает: да, все это замечательно, но пациентка могла бы сформировать и другую фантазию, не эту. Почему же она все организует вокруг орального влечения?

Когда Лакан говорит о конце анализа как способности анализанта «перешагнуть через фантазию», он, конечно, имеет в виду более длительный процесс, сравнительно с нашим примером, где рассматривается всего лишь один симптом и его изменение. Тем не менее, вы могли увидеть, что симптом может изменяться и варьироваться у одного и того же человека. Абсолютно то же самое происходит и с фантазией. Она тоже может изменяться. И, в конце концов, весь процесс анализа нацелен на то, чтобы извлечь суть не только из симптома, но и из фантазии, что, в конце концов, позволит субъекту понять, какая связь существует у него с его собственным влечением.

Именно вокруг этого вопроса Лакан организует процедуру завершения анализа, называя ее «проходом» (*la passe*). Интересно попытаться понять данный этап анализа как ступень психоаналитического образования.

В большинстве фрейдовских сообществ, например в *IPA*, признание психоаналитика происходит в присутствии жюри, решение о приеме в сообщество принимается комиссией, в которую входят авторитетные специалисты. Такова классическая процедура. Лакан взамен изобретает другую, весьма специфическую. Новая процедура служит тому, чтобы, несмотря на всю неординарность задачи, каким-то образом все же обнаружить окончание

курса лечения. Те, кому удастся эту процедуру пройти, могут войти в Школу уже в качестве ее членов.

Прежде всего, анализант вслепую извлекает из корзины имена двух других кандидатов, находящихся в том же положении, что и он. В лакановской Школе аналитик вправе свидетельствовать о том, что его анализант находится в позиции, которая позволяет говорить о возможности завершения лечения. Аналитик может также именовать такого анализанта «проводником» (*porteur*), подразумевая тем самым, что тот не только решил подвергнуться процедуре «прохода» сам, но одновременно будет помогать ее пройти и другому. Таким образом, кандидат извлекает из корзины, по жребию, имена двух других себе подобных, кто будет ему помогать. Если анализант решил пройти через процедуру «прохода», то значит, он и сам этого хочет, и должен каким-то образом показать, что его анализ завершается. Он обращается к двум своим «проводникам» с рассказом о своем личном анализе.

(Вопросы из зала по поводу деталей процедуры «прохождения».)

Само собой разумеется, что сначала кандидат встречается с неким секретариатом, который дает ему допуск к процедуре приема. Хотя секретариат представляют старейшины, но решение, завершён анализ или нет, принимают не они. Секретариат призван определить серьезность, потенциал требования кандидата. Ведь согласитесь, найдется немало охотников, которые уже после двух месяцев анализа о чем-то таком подумывают, в то время как бытует мнение, что даже в конце трех-четырех лет обучения решаться на «проход» еще преждевременно, и, как правило, такие заявки отклоняются. Далее, есть люди, которые буквально бредят подобными ситуациями. И поэтому секретариат призван проявить особую мудрость, чтобы иметь возможность остановить то, что должно быть остановлено. От кандидата не требуется посвящать членов секретариата в подробности прохождения собственного анализа. Он всего лишь сообщает, что у него есть нечто, о чем он бы хотел и готов рассказать, не более того.

(Вопрос из зала по поводу функции «проводников».)

После того, как кандидат рассказал «проводникам» о своем анализе, именно они будут защищать фигуру кандидата и его работу перед жюри. Я вам говорил, что процедура «прохода» достаточно специфична. Для начала речь идет о том, чтобы убедить тех двух, которые при этом не являются никакими старейшинами, чтобы затем уже они могли передать жюри суть дела.

Задача Лакана состояла в том, чтобы верифицировать, проверить точку окончания анализа. И «проход» – ни что иное, как попытка дать возможность самому субъекту поведать о том, что происходит в этой точке, нахо-

дящейся по ту сторону симптома и фантазии. Попробуем на этом завершить рассуждение о конце анализа.

Рассматривая вопрос о том, где же завершается анализ, и, двигаясь в попытке разрешения от симптома к фантазии, оказываясь, наконец, по ту сторону фантазии, мы, тем не менее, после всего вновь возвращаемся к симптому. Это та единственная вещь, которая не может исчезнуть. Невозможно жить без симптома, что легко понять, возвращаясь к примеру господина с коллекцией, посвященной серийным убийцам. Можно жить без того, чтобы этот симптом был слишком патологичным. Получается, что в конце аналитической работы симптом не просто приобретает свой смысл, но все более сводится к этому смыслу, чистому, абсолютному. И, например, избавиться от кашля – это избавиться от измерения патологического, что значит, согласно Лакану, перейти от трагедии к комедии. Такова его манера говорить об облегчении симптома.

Вернемся к вопросу о том, как, согласно Лакану, происходит психоаналитическое образование. Первое – довести свой анализ до конца. Но для этого его надо хотя бы начать. Далее – это займет какое-то количество лет. Лакан не утверждает, что невозможно быть аналитиком до того, как вы завершили свой анализ, ибо, когда он говорит об анализе завершеном, то речь, априори, идет о чем-то очень длительном. А ведь всегда получается так, что аналитик начинает принимать своих пациентов именно в качестве аналитика еще до полного завершения своего анализа. Иными словами, в случае вопроса о возможности принимать своих пациентов речь не идет о доведении собственного анализа до конца. Для того чтобы быть аналитиком, то есть достаточно корректно слышать то, что говорит пациент, необходимо, прежде всего, избавиться от всего того в самом себе, что может служить помехой в этом слушании. И в целом, если ты продолжаешь свой анализ, с какой стати это может служить препятствием к тому, чтобы слышать то, что говорит другой?

Второе требование, как и у Фрейда, – изучение текстов. Но Лакан особенно настаивает на том, что речь не идет о каком-то фиксированном знании, которое можно однажды усвоить раз и навсегда, а, скорее, о динамике знания, в которую необходимо войти. Для этого он придумывает процедуру, которая называется «картель». Она состоит не просто в том, что кто-то слушает лекции или курсы. Принцип картеля предполагает существование небольших групп, картелей, по 4-5 человек, и участники каждой группы изучают тексты, обсуждают их друг с другом. Такие картели работают во всех лакановских школах.

Еще несколько уточнений, касающихся различия взглядов Лакана и Фрейда в отношении контроля. Говоря о контроле, Фрейд имеет в виду широкую сферу передачи опыта, Лакан же, скорее, склонен рассматривать его преимущественно в контексте супервизии случаев. При этом он считает, что любой аналитик вполне может иметь точку преткновения в проводимом им анализе. Тогда контроль может оказаться одинаково полезным как для начинающего психоаналитика, так и для психоаналитика опытного. И тот, и другой прибегают к нему всякий раз, когда сталкиваются с трудностью в анализе. Можно дать следующее короткое определение: контроль помогает аналитику оставаться открытым тому, чтобы слышать собственное удивление. Аналитик должен быть научен сохранять связь с тем, что происходит. И если у Лакана анализ имеет конец, хотя этот конец и делает анализ более длительным, то образование в смысле контроля в его глазах – бесконечно.

В заключение – еще два-три слова о психоаналитическом образовании в целом. Последний Конгресс Всемирной Психоаналитической Ассоциации проходил в Брюсселе на тему «Эффекты образования». Говоря об эффектах образования, мы тем самым избегаем идеи, что существует непрерывное, линейное образование. Скорее, есть некоторые эффекты. (Кстати, один из ближайших номеров журнала Школы будет посвящен этой теме.)

В связи с услышанным на Конгрессе мне кажется интересным сделать два замечания. Во-первых, все участники говорили о том, что эффекты образования всегда отмечены эффектами субъективными, даже если речь идет об изучении текстов Фрейда или Лакана. Конечно, возникают эти эффекты при условии, что одновременно с изучением текстов человек проходит анализ. Так вот, все заметили, что существуют моменты, когда прочитанное вдруг проясняется неким особым образом. Как правило, это происходит вслед за некоторыми открытиями в собственном анализе. Иначе говоря, изучение текстов тоже не является линейным процессом и отнюдь не сводится к сумме знаний, которую нужно усвоить. Каждый находит свой собственный способ, чтобы продвигаться вглубь.

Наконец, последнее замечание. Слушая свидетельства и рассказы участников Конгресса (а среди них были и врачи, и психиатры, и психологи, а также священники и, возможно, представители других специальностей), мы могли заметить, насколько для всех актуален вопрос о «желании аналитика» (как это называет Лакан). Это – особое желание, благодаря которому аналитик готов слушать то, что говорит другой. Причем, не просто слушать, а следовать за потоком означающих, поначалу не понимая их смысла, чтобы, в конце концов, приблизиться к прояснению позиции субъекта, одновременно не изыскивая возможности оказывать влияние на совершаемый этим субъектом выбор. Странное желание... Чтобы к нему придти, необхо-

димо трансформировать то желание, которое ему предшествовало. И тогда врач должен расстаться с желанием лечить, психолог расстаться с желанием понимать, философ должен расстаться с желанием иметь концепцию устройства мира, а священник – с любовью к ближнему.

Ответы на вопросы аудитории

***Вопрос:** Можно ли проходить личный анализ и супервизию с одним и тем же аналитиком?*

А.С.: Что касается *ИРА*, то там такой принцип: аналитик и супервизор – разные люди. В лакановском анализе подобного закона не существует. Соответственно, это предполагает различные варианты. Фактически, хорошо видно, что контроль, осуществляемый собственным аналитиком, имеет преимущество, состоящее в возможности для контролируемого видеть в элементах собственного анализа больше, чем можно было бы ожидать. Точно так же в этих условиях есть свои преимущества и у аналитика: тоньше отмечать, что исходит от вас как аналитика в каких-то сложных точках проводимого анализа. Сам Лакан очень много работал подобным образом. Получается, что совмещать личный анализ и супервизию, проходя то и другое в обществе одного и того же аналитика, вполне возможно, более того, можно говорить, что такая форма наделена определенными преимуществами.

Но есть еще и другое преимущество, о котором пока не говорилось, – преимущество контроля у кого-то, кто не является твоим аналитиком и кто не знает о вас ничего. Когда вы начнете говорить о собственной практике, он посмотрит на вас совершенно свежими глазами и станет в меньшей степени занимать позицию аналитика. Ему будет легче сделать для вас важные клинические уточнения. В идеале, хорошо иметь два контроля. Это есть та свобода, свойственная человеку, которой он может воспользоваться в разные периоды жизни. Можно даже начать контроль с одним, а закончить с другим.

***Вопрос:** Можно ли в таком случае один и тот же случай супервизировать у двух разных аналитиков одновременно?*

А.С.: Если это один и тот же случай, есть риск, что подобная практика обернется для супервизируемого тем, что он будет интересоваться разницей между позициями того и другого аналитика больше, чем самим клиническим случаем.

И все же?

А.С.: Предположим даже, что это не та ситуация, когда аналитиков заставляют соревноваться между собой. Тем не менее, я с трудом могу представить подобную работу в длительной перспективе. Хотя, конечно, такой

вариант вполне может иметь место. Надо учитывать, что опыт аналитиков не всегда одинаков для разных случаев. Одни много работают с детьми-психотиками, другие с ними не работают. Кто из них окажется лучше в условиях супервизии? Заранее не ясно.

В моей практике был случай, когда ко мне пришли с просьбой о супервизии случая токсикомании. И пришли именно потому, что человек знал о моей не слишком глубокой осведомленности в этой области и надеялся найти свежий взгляд. Так что теперь уже есть две клинические команды, которые проходят у меня супервизию в связи со случаями токсикомании. Правда, я сам уже совсем другой, я теперь больше знаю о токсикомании, и мой взгляд отнюдь не свеж.

Так что, почему бы не воспользоваться точечным эффектом! Специалист вполне может искать второе прочтение своего случая, особенно если он думает, что именно отсутствие свежего взгляда держит его на месте, затрудняя всю работу.

Вопрос: *А если все-таки в основе запроса на супервизию лежит желание устроить соревнование?*

А.С.: Такая вещь тоже может произойти. И в связи с этим нужно быть особо внимательным. Это хитрости, к которым прибегают некоторые субъекты. Хитрости симптома, в основе которого лежит желание остаться не вовлеченным в случай.

Вопрос: *В чем разница в позициях психоаналитика по отношению к невротнику и психотику?*

А.С.: Давайте возьмем маленький, очень простой пример. Я прервал свою работу на неделю в связи с поездкой в Москву и был вынужден предупредить своих пациентов о невозможности на этой неделе с ними встретиться. Так вот, существует множество способов об этом говорить. Можно сказать: «Я Вас не увижу на будущей неделе». Или: «Ну, давайте, до конца следующей недели! До свидания!» А можно сказать и так: «Вы знаете, я очень огорчен, но я должен ехать. Так что на следующей неделе я Вас принять не смогу». Можно, впрочем, и так сказать: «На следующей неделе я должен поехать в Москву, где будет проходить семинар Фрейдова Поля, и, соответственно, наша встреча не состоится». Очевидно, что с невротиком я, не сомневаясь, ограничусь каким-то минимумом, чтобы все-таки пациент смог себя спросить: может быть, это из-за меня отменяется встреча? Конечно, многое зависит и от особенностей случая, например, от того, какой уровень тревоги испытывает субъект. Но при любых условиях, расставаясь с пациентом-невротиком, я, нисколько не сомневаясь, оставлю место для этого знака вопроса.

С психотиком же я буду уверен, что он начнет интерпретировать данную ситуацию как что-то нацеленное на него лично, особенно если он параноик. Или если это, например, меланхолик либо страдающий шизофренией, то я не убежден, что он не воспримет ситуацию отъезда как падение. И тогда я вынужден долго и много объяснять. Я буду уверять пациента, что, вот, есть что-то, что не зависит ни от Вас, ни от меня, и только поэтому я еду... Конечно, есть еще и другие обстоятельства, которые могут оказаться важными. Допустим, если есть угроза суицида, то я предоставлю пациенту возможность позвонить мне в Москву. В частности, есть кое-кто, с кем мы договорились, что он мне позвонит этим утром, чтобы сказать несколько слов.

В данном контексте можно говорить о многих вещах, среди которых важное место занимают вопросы поддержки, переноса и пр. В случае невроза у пациента обязательно возникнут и виновность, и беспокойство, но при этом должна оставаться возможность, чтобы все это, в конце концов, заняло свое место. Здесь тоже есть свои внутренние границы. Согласитесь, что оставлять человека в состоянии сильной тревоги, пожалуй, не следует, даже если тревога неизбежна. Значит, об этом необходимо немножко побеспокоиться. Таковы ориентиры относительно позиции аналитика, которые возникают при учете разницы между неврозом и психозом.

***Вопрос:** Вы сказали в связи со случаем господина, коллекционировавшего полицейские романы, что было невозможно избежать самоубийства. Но было ли возможным в данном случае конструирование другого симптома, который мог бы действовать в качестве замещения?*

А.С.: В принципе да, вы правы. Конечно, существует такой выход – помочь пациенту сконструировать новый симптом, менее опасный. Но конкретно в данном случае это оказалось невозможным. Пациент оказался в состоянии «брошенности», его словно «оставили падать». Он уже больше не был открыт, уже не задавал вопросы. Рассказывая об этом случае, я представил лишь основные его элементы. На самом деле он, конечно, гораздо сложнее.

Прежде всего, этот господин украл несколько книг. И когда полиция появилась у него в гараже, он сделал признание в краже. Но полиция-то пришла совсем по другому поводу. Потом ему отдали все его книги, за исключением краденных, и далее он в течение многих месяцев ждал суда, потому что книги принадлежали государственной библиотеке. На суде он смог доказать, что на самом деле кража была спасением книг, потому что в библиотеке они находились в плохом состоянии. И его не осудили. Однако, в течение этих четырех или пяти месяцев, пока продолжалось судебное разбирательство, он придумал небольшой ритуал. Ранее он был алкоголи-

ком и каждый день ходил в кафе, чтобы выпить. И теперь он, в каком-то смысле, вернулся к этой привычке, каждый день посещая какое-то конкретное кафе Брюсселя, чтобы пропустить кружечку-две пива. Это было для него знаком ожидания, ведь он действительно находился в ожидании, а, кроме того, это была небольшая прогулка по городу... Но, в целом, ритуал оказался недостаточным, чтобы его поддержать. Чуть позже, через месяц по завершении судебного разбирательства он покончил жизнь самоубийством. Да, такого конца можно было бы избежать, если бы существовала возможность создать другой симптом. Но если на путь с гаражами он встал добровольно, то теперь, когда он ждал поезда, решившись покончить с собой, у него уже просто не было никаких внутренних средств, чтобы найти иной путь.

Когда мы говорим «помочь сконструировать» симптом – это вовсе не значит, что мы будем вместо субъекта этот симптом конструировать. Не можем же мы принимать решение на его месте, иначе это было бы подобно помещению больного в психиатрическую больницу по принуждению. Конечно, можно принять и такое решение, если кто-то сам себя подвергает опасности, но, по правде говоря, человека этим не остановишь, разве лишь удастся на время его приостановить. Возможно также медикаментозное вмешательство с применением больших доз, вне ведома и воли пациента. Но насколько это этично? Конкретный вопрос, скорее, состоит в следующем: каким образом он мог бы вновь запустить процесс конструирования симптома, и можно было ли в этом ему помочь? Но жизнь распорядилась иначе. И потом, дело в том, что я, как упомянул в самом начале, узнал историю этого пациента уже после того, как он совершил суицидную попытку. Быть может, если бы я с ним познакомился раньше, у меня был бы иной взгляд на этот случай. Но в том варианте, как мне его передали, кажется закономерным, что все закончилось именно так.

***Вопрос:** Раз он участвовал в судебном разбирательстве, получается, что его признали вменяемым?*

А.С.: Да. Конечно, он был психотиком, но занимался лечением собственного психоза с помощью алкоголя, и полиция рассматривала его, скорее, как алкоголика, а не больного психозом. При этом у него, конечно, был бред, но бред в относительно разумных рамках. Естественно, врач мог квалифицировать как бредовую эту зачарованность серийными преступлениями, но ведь полиции он говорил просто: «Я коллекционирую». Точно так же, как марки, можно коллекционировать и книги о серийных убийствах. Иначе говоря, он психотик, но, с точки зрения социальной жизни, относительно «нормализованный».

Симптом в данном случае сконструирован по типу симптома психотического, хотя любой симптом – это всегда конструкция, и невротический тоже, как вы это могли видеть в одном из случаев Фрейда, а именно в случае маленького Ганса, у которого были фобии лошади.

Фрейд вновь возвращается к случаю маленького Ганса в своей работе «Торможение, симптом, тревога». Там он задает вопрос: в чем заключается симптом маленького Ганса? И отвечает следующим образом: Ганс отказывается выходить на улицу, потому что боится лошади. Он боится, что лошадь его укусит. Тогда Фрейд задает новый вопрос: что именно является симптомом? И тут же отвечает: сам факт, что Ганс не выходит на улицу, – это еще не симптом, это торможение. А можно ли тогда сказать, что страх лошади – симптом? Тоже нет, говорит Фрейд, потому что страх – это тревога, а тревога – не есть симптом. Таким образом, симптомом становится лошадь.

Фрейд уточняет: если бы этот мальчик боялся собственного отца, то это было бы вполне нормально. Нормально, что маленькие мальчики боятся своих отцов. Однако маленький Ганс не боится своего отца. Это и есть симптом. То есть он как бы конструирует лошадь на месте отца. Таков простой механизм симптома.

Впрочем, Ганс не боялся отца, потому что этот отец никому не был страшен. Это не тот отец, «который носит штаны»! И когда Ганс задал вопрос: «Папа, скажи, а будет ли у меня еще маленький братик?», тот ему ответил: «Если того Бог захочет». И тогда Ганс спросит у матери: «Верно ли, что у меня будет маленькая сестренка, если этого захочет Бог?». И услышит: «Нет, потому что я этого не хочу». Французская половица, которую приводит Фрейд, гласит: «То, чего хочет женщина, – хочет Бог». И вот мы видим отца, который занимает такое славное местечко, да который, к тому же, еще и психоаналитик.

Анализ маленького Ганса – особого рода. Во-первых, это первый детский анализ. Но, вообще-то, Фрейд видел самого Ганса только единожды. И, напротив, он регулярно встречается с отцом, который ему рассказывает о том, что происходит, а Фрейд говорит отцу, что тот должен сказать Гансу. Иначе говоря, это курс через отца.

***Вопрос:** Насколько я понимаю, отец в данном случае выполняет функцию Имени Отца. И именно поэтому возникает симптом сына.*

***А.С.:** Этот отец – да. И, классически, Лакан (впрочем, как и Фрейд) говорит о том, что то же самое можно обнаружить в любом случае невроза. Другими словами, если Имя Отца находится на своем месте, если Эдипов комплекс имел место, то мы, скорее, находимся на стороне невроза, если же это не так – то в сфере психоза. Классическая точка зрения такова, хотя*

в последнем периоде развития учения Лакана она выглядит уже несколько по-другому. Случай фобии – тот случай, когда Имя Отца действует, хотя и слабо. А сама фобия – это то, что призвано усиливать позицию отца, используя лошадь.

Нужно хорошо понимать, что сам по себе отец – тоже симптом. И когда Фрейд говорит нам, что было бы вполне нормально, если бы маленький Ганс боялся отца, то отсюда вовсе не вытекает, что в таком случае не было бы симптома. То есть страх отца стоит на том же самом месте, что и симптом. И тогда лошадь будет усиливать позицию отца. Отец как функция, которая действует, – на своем месте, но он не делает в достаточной степени мужественным маленького Ганса. Он не внушает ему страх, что не слишком хорошо для маленького мальчика, как не слишком хорошо идентифицироваться с отцом, если все решает мать. Здесь-то и проявляется слабость отца. Это вовсе не значит, что он не действует, но есть слабость. Тогда это уже не та лошадь, которая против отца, а та, которая восполняет наличествующий в отце недостаток: отец на лошади, подобно маршалу на коне.

***Вопрос:** Если то же самое сказать в других терминах, то отец слишком слаб, чтобы защитить Ганса от инцестуозной ситуации?*

***А.С.:** Лучше сказать по-другому: он защищает от инцестуозной позиции, но слишком слабо. Он недостаточно четко указывает дальнейший путь. На символическом уровне он вполне представлен как некто, запрещающий инцест, что же касается воображаемого – то он нуждается в том, чтобы иметь лошадь и быть статуей отца на коне. Лакан говорит о том, что именно воображаемого отца не достает Гансу, а не символического.*

***Вопрос:** Страх лошади – это симптом, который разрушает, а страх отца, пусть и не разрушает, но тоже является симптомом, и поэтому Ганс в любом случае невротик. Значит ли это, что тогда каждый из нас является невротиком, потому что у нас всегда есть этот страх, тот или иной, даже если он и не разрушает?*

***А.С.:** Бояться отца – условие обещания. Надо хорошо понимать отношение отца и симптома к Эдипову комплексу. Лакан детально анализирует Эдипов комплекс в пятом семинаре (текст семинара уже переведен на русский язык, и это большая удача, что вы можете им воспользоваться). Итак, с самого начала у ребенка устанавливается особая, привилегированная связь с матерью, и это счастливое время в его истории, но оно неминуемо должно завершиться. Именно здесь и появляется отец в качестве того, кто должен положить этой идиллии конец. Он говорит «нет» тому факту, что мать считает ребенка объектом собственного наслаждения. Точно так же он потом скажет «нет» ребенку, когда тот захочет обладать матерью в качест-*

ве своего сексуального партнера. Это и есть запрет на инцест, который Фрейд назвал комплексом кастрации.

Значит, ребенок боится отца именно потому, что отец представляет собой угрозу кастрации. Я полагаю, что думать об отце, говорящем «нет», – более ясно, чем рассуждения об угрозе кастрации. Сейчас вряд ли мы найдем такого отца, который реально скажет своему сыну: «Если ты будешь продолжать вести себя подобным образом, то тебе это дело отрежут». Подобные угрозы – план воображаемого. Но они, безусловно, присутствуют в самом слове «нет», конечно, при условии, что оно сказано достаточно строго. Это «нет» одинаково распространяется как на мать, так и на ребенка, и тогда можно сказать, что такое «нет» можно рассматривать не только как запрет, но и как имя желания одновременно.

Позднее Лакан вернется к этому вопросу, но уже несколько в другом свете. Он произнесет свою знаменитую формулу: «Отец имеет право на уважение, если даже не на любовь, только тогда, когда он из женщины делает причину собственного желания». Таким образом, «нет», о котором идет речь, не является словом, произносимым нейтрально, безразлично. Оно означает: я хочу вернуть мою жену. Это, буквально, так и разыгрывается в супружеских парах разными способами, в зависимости от того места, которое для женщины начинает занимать ее желание обладать ребенком.

Но не так уже редко мы слышим в клинике и такое, когда говорят: «Как только ребенок родился, у меня уже нет больше желания иметь сексуальные отношения с мужем». Можно себе представить множество вариантов подобного высказывания. Это и есть пример того, когда отцовское «нет», во всех его смыслах, не было в достаточной степени «записано», не было зафиксировано.

Важно помнить, что отец – не просто мужчина. Существует некое внутреннее измерение отцовской функции, которое постоянно напоминает о том, что мать и ребенок отнюдь не целиком и полностью предназначены друг для друга. Только благодаря данному измерению может вступить в игру истинная функция отца – отца, который говорит «да» симптомам собственного ребенка.

Это третий такт Эдипа, по Лакану, и ему посвящена третья глава пятого семинара. Отец, говорящий «да», – отец обещания. Это целиком и полностью фрейдовское понятие: пусть использование твоего органа с матерью запрещено, но данный запрет становится обещанием на будущее, обещанием близости с кем-то другим.

И интересно вспомнить, к какому заключению приходит Лакан, совершив собственный анализ случая маленького Ганса. Если Ганс был вынужден создать фобию ради того, чтобы поддержать функцию Имени Отца, то это говорит о том факте, что в его случае отцовское обещание не функциони-

ровало надлежащим образом. Следовательно, когда он вырастет и станет мужчиной, то не сможет брать инициативу в свои руки во взаимоотношениях с женщинами. И на этой основе Лакан утверждает, что отец, который говорит «нет», необходим для того, чтобы далее возникло обещание в лице отца, говорящего «да», считающего, что те вещи, которые придумывает его ребенок (включая и его симптомы), великолепны, который рад, когда в подростковом возрасте сын говорит ему: «Я хочу вот это, а еще и вон то!». Здесь отец начинает действовать на стороне обещания, на стороне жизненных планов, но одновременно и как симптом. На него можно опереться, чтобы иметь собственные планы, проекты на будущее, можно опереться на идентификацию с ним. Отсюда вовсе не вытекает, что нужно обязательно делать то же самое, что и отец, например, становясь доктором или психоаналитиком, как это было, например, в случае дочери Фрейда, ставшей психоаналитиком после опыта анализа с собственным отцом, или дочери Мелани Кляйн, также ставшей психоаналитиком, соответственно, после анализа с матерью. Но это означает, что, опираясь на эту идентификацию, можно сделать свой собственный выбор.

Вопрос: Тогда получается, что желания других людей для нас всегда симптом?

А.С.: Я рассматриваю как симптом то, что является конструкцией. Такого рода конструкция имеет личный смысл и одновременно поддерживает мое существование, а также участвует в моем наслаждении. И тогда быть психоаналитиком – это тоже симптом.

Вопрос: Вы используете здесь термин «конструкция» в том же смысле, как его использовал Фрейд в работе «Конструкция в анализе»?

А.С.: В принципе – тот же смысл. Но, наверное, нужно уточнить. Когда я говорю «конструирование симптома», это чересчур чистая вещь, и ни в каком случае не повторение.

Большое спасибо!

Перевод с франц. М.Страхова